

Евгений Чигрин – поэт, сочинитель исключительно наполненных, плотно спаянных поэтических текстов, которые у многих и многих читающих сегодня вызывают живой эмоциональный отклик. И особенно стихи Евгения близки тем, кто действительно разбирается в поэзии и способен оценить вплетенные в поэтическую ткань неожиданные повороты смысла, меткие, порой до зримости, живорожденные метафоры...

Сборник «Невидимый проводник» вышел в 2018 году в издательстве «У Никитских ворот», которое выпускает уже вторую книгу поэта. Первая была «Подводный шар» (2015), тогда это издательство приняло «эстафету» у не менее известного издательства «Время», где в серии «Поэтическая библиотека» ранее вышли в Москве «Погонщик» (2012) и «Неспящая бухта» (2014).

Известный поэт Алексей Остудин (Казань) написал по поводу подборки стихов Чигрина (все они потом вошли в «Невидимый проводник») в журнале «Звезда» (2018, № 3): «Крепкие мужские тексты, такие стихи раньше гладиаторы перед боем писали!» И он по-своему прав, если учесть, что в стихах у Евгения бывает та самая поэтическая плотность, напор, которые даются лишь тем, кто обладает подлинным, ярким, сильным темпераментом. В этой книге есть воистину волшебные стихи, особенно те, начинающиеся – «Тончайший шорох листьев...»

Тут тонкость, даже изящество поэтического чувствования входят в «содружество» с упомянутой мускулистостью и создается то, что заколдовывает и привлекает. А вот третье стихотворение книги – «Деревянная Дудка», думаю, еще более может нравиться читателям. Оно пленяет тем, что в легком, звенящем, летящем, пританцовывающем размере, том самом, что использовала некогда М. Цветаева в поэме «Чародей», Чигрин уже не столько созерцает и размышляет, сколько рисует – строка за строкой – образ «астрального лирика» с дудочкой «как в цирке». Этот легкий старичок приходит к поэту. Он являет собою и взмах поэтической фантазии, и в то же время он – образ из полусна, видение «овеществленного» подсознания. Этот «астральный лирик» и есть малое и милое порождение «нетвердого сна», в котором поэт «выдумывает жизнь». Эта «выдумка жизни» – сокровенный удел поэта, однако парадокс состоит в том, что результат получается не выдуманный, не головной, а музыкально-лиричный, выпуклый, персонаж, «мультиашно» и «призрачно» видимый... Так отчего это возможно? Может быть, возможно потому, что у «астрального» старичка, созданного поэтом, – «В Боге голова», а потом уже «Уста иллюзий»...

Чигрин, мне кажется, останется в истории литературы сего века, потому что создание иллюзий, пусть даже и поэтически убедительных, не его основная цель. Он подсознательно стремится поместить читателя на время чтения в несущие потоки гармонии звезд и ветра, той самой гармонии, за которой живет Незримый, который нам «опустит осень», а та уж тихо дохнет музыкой и сведет часы двумя стрелками «на цифре восемь», то есть на бесконечности времени...

В другом стихотворении – «Глаза поднимешь – осень на дворе...» – создание «театра теней» продолжается. Нас встречает на фоне все той же осени – «в кепчонке желтой постаревший ангел», он, конечно, одинок, «как муха в янтаре»... По пути раскрытия образной системы стихотворения, создается и виртуозное четверостишие – «Дырявый лист в желтеющем огне / Плывет по суше, как по морю рыба»... А далее, вслед за строкою, за поэтом, мы «поднимаем глаза», и тогда театр теней уже расцветает и химерами туч, в которых сотворяются и гномы, и домики. Но главное, в самом конце – мы смотрим на... «На мальчика в летающем пальто, / На девочку, что облаком повисла». Как не сказать, что это «видение без смысла» вдруг, скрытым смыслом, являет нам Марка Шагала и полеты иллюзорных персонажей над домиками его Витебска... Нет, мы не настаиваем на таком именно прочтении, но с Чигриным часто именно так – то у него зашифрован меж строк фландрский собор, то звучат разные мелодии старинных композиторов, то читатель следует за поэтом из сна в другой рифмованный сон без желания скорей проснуться...

Стихотворение «Верченье вьюги, вспышки фонарей...» продолжает цельную и поступательную, как всегда у Чигрина, поэтическую импровизацию, в которой уже не желтеет осень, а настала зима, поэта потянуло к югу, как певчую птицу, и он выдумывает себе деву, для того чтобы войти в иной, южный «полюс» гения и места. Да и как поэту деву не «выдумать»!.. Евгений пишет:

Я выдумую в снегодекабре
Похожую на яркий праздник деву,
Чтоб жизнь другую вылепить во мгле,
Поддавшись сочинительству и блефу.

И с нею выйду за какой-то круг:
Мы попадем в ресничный праздник света,
Вплетая Север в золотистый Юг,
Включая жизнь в нефритовое лето.

И это великолепное поэтически «ресничное лето», и последующие строки тоже несут на себе явственную печать поэтической свободы и лирического изящества, как это нередко бывает в подборках стихов и в книгах Е. Чигрина.

В «Невидимом проводнике», в заключительном стихотворении книги «Маяк на мысе», мерцает строка – «Свет корабля, как память о земле». Интересен и автоэпиграф, в котором говорится о – «Смешении архаики и сленга», то есть о текстовой черте, свойственной Чигрину, чей словарь, что не раз отмечали критики, очень широк и разнообразен в своем богатстве, о чем бы он ни писал – об облаках, о море, которое «курит трубки», об игрушечных волках Мандельштама или о Павшинской пойме...

Видный патрист Адальбер Гюстав Амман как-то заметил: «Автор любого сочинения отчужден от нас самим своим творчеством. Перед нами – не сам человек, а только его книга, только то, что он написал». Чигрин, судя по отзывам на его поэзию, для читателей больше, чем «книга». Среди отзывов, например, такой: «Чудо поэзии необъяснимо, но уловимо, и в Ваших стихах, Женя, я это чудо улавливаю, и ловлю минуты счастья...» (Наталья Лясковская).

В своей книге Е. Чигрин, как и ранее, разнообразен в используемых поэтических размерах. Его строка может быть длинной, распространенной («Вонзает осень мрак простуды – дождей нахлынувших клинок»), а в другом, может быть, следующем стихотворении он, сочинитель, уже предстает минималистом, таким, каким бывал временами Андрей Белый: Но стиль, неповторимый чигринский стиль все равно сохраняется, и это – главное!..

...Ангел, которого
Вижу не в первый...
Занавес морока:
Осени верный

Вечер. Опалиха.
Темени секта.
В тыкке фонарика –
Обморок света.

– так заканчивается одно из «кратких» стихотворений сборника – и, как видим, в самом конце «атмосферного» стихотворения из минимизированной строки выступает образ «тыквы фонарика», который мертвенно струит «обморок света». Так подтверждается мысль критика и писателя Нины Гейде о том, что «Чигрин, несомненно, в поэзии импрессионист...», поскольку красочно мерцающие полусвет, полутень, – есть неперенные черты импрессионизма. Однако, вслушавшись больше, чем взглядевшись в страницы книги, все же убеждаешься, что не меньше импрессионизма здесь постоянно присутствует и постмодернизм, любящий варьировать уже давно вошедшие в литературу узнаваемые вечные поэтические и жизненные мотивы. Чигрин их неустанно дополняет «экзистенциальной рефлексией и неустанным культурным бдением» своего лирического героя. Эту черту у поэта заметил и отметил

Юрий Кублановский, который также верно сказал, что поэт этот «литературоцентричен». Это можно понимать и так, что Евгений в процессе импровизационного потока создает литературно и культурно оснащенные тексты, с другой стороны, рождаясь, они сразу и естественно становятся литературой. Он же, Кублановский, сказал о порой характерной для Чигрина «тактической деформации образа».

Таковыми и многими другими способами Чигрин создает изобретательные и вдохновенные игровые фантазмагии, несущие лирико-раздумчивый мотив, но еще строка – и все стремительно меняется, и мир поэта становится диаметрально иным...

По поводу структуры книги автор пояснил: «Здесь 107 стихотворений, разбитых на восемь циклов». Думается, что даже названия циклов у Чигрина – это тоже поэзия. Вслушаемся – с первой части по последнюю, чем звучны названия этих циклов, – первый раздел – «Старый кочевник», он напоминает название его давней книги – «Погонщик», второй раздел – «Демоны водостока», и сразу на память приходят химеры с собора Нотр-Дам. И впрямь цикл прямо и непосредственно «настоян» на Париже, «прохваченном временем старым». Потом идет импрессионистичный «Барочный морфий», в котором нас встречает Адриатика с ее небом «в сквозистой слюде», нарисованной ангелами, встают образы Балкан... Следом третий раздел – «Лампа над морем». От этой лампы будто веет ночной тревогой... Там образы фантастики сменяются дальневосточными воспоминаниями поэта, тут мелькают острова, маяки, совсем близко – Япония, яхты, корабли... Раздел четвертый – «Музыка с листа», – он полон поэтически организованных отнесений к ощущениям автора – от пейзажей Поля Синьяка, от цветов Поля Сезанна, что «вышли на балконы». И вот, наконец, музыка – это барочные органнне композиции Дитриха Букстехуде... В пятом разделе – «Летающий мальчик» – о иронично понятом «эротизме» перуанца Хорхе Варгаса Льоса, о котором «ходят легенды»... И снова музыка, на сей раз это венецианец Алессандро Марчелло... А в строках – «...Это осень, и не патриархом / Я вливаюсь в осенний расклад...» – мы, конечно, прочитываем, как это часто у Чигрина бывает, то самое, упомянутое «отражение» мировой культуры, – на сей раз от «Осени патриарха», романа великого колумбийца Габриэля Гарсиа Маркеса. В стихотворении «Слова» нас особенно пленяет такое находчивое двустушие – «Целует смерть любой летящий лист, / И дуют ветры в северные дудки». Раздел шестой – «Мойры глиняных флейт» сразу впечатляет по-блоковски горчащим стихотворением «Старый демон», в котором есть такие строки – «Плоть всё чаще болеет бесправием... / Ночь несут. Зажигают огни. / Фонари не ослепли над гравием, / Но – мрачнеют последние дни». Тут вспыхнула искра Серебряного века, тонко характерная для более ранних книг Е. Чигрина. (Несколько раньше, в стихотворении «Диптих», есть тоже серебряная нить – строчная цитата из Блока – «Живи ещё хоть четверть века...»)

В «Желтеющем фокстроте» – ни много ни мало – эпизодический разговор с Богом, для которого поэт – «Субстанция твоих забот, всего лишь», он «только вещество», но это всё слова, мнения поэта. Бог в ответ мудро и вселенски молчит... «Посмейся, Бог. / И больше ничего. / И не поспоришь...» – так заканчивается стихотворение. Во все времена к богам зывали поэты, и лишь избранным отвечал Бог...

В этот раздел входит стихотворение «Предновогоднее», пленяющее особо пронзительной по виртуозной поэтичности строкой – «И плюшевое заячье ушастье»... Это чигринское название «Предновогоднее»

как-то невольно относит к названию стихотворения М. Цветаевой «Новогоднее», о котором И. Бродский написал целое эссе, трактат... Это очень емкий, богатый раздел, полный многого достойного и ёмкого, поэтически полноценного. Всего, что в нем содержится, не опишешь. Хочется читать построчно, и разнообразие стихов уверенно ведет по развивающейся канве. Седьмой цикл – «Сплошной сюжет» встречает нас стихотворною Ночью – Никтой, и как будто с высей горы увиденным поэтом средневековым бестиарием. Нам видится – через замыленное стекло – почти босховский динамичный, роящийся пейзаж. Следующие стихотворения продолжают подобное впечатление, обогащаясь еще и гоголевскими образами – тут и философ Хома Брут, Панночка, старый сотник. Но это был бы не Чигрин, коли он сюда же не вплел и некоторые атрибуты современности, приметы компьютерного нового века – «Ставят лайки “ВКонтакте” то старому сотнику, то / Неприкаянной птице...»

Потом мы мимоходом заезжаем в Индию, оттуда к Петрову-Водкину в Хлыновск, на «Купание красного коня». Цепи ассоциаций и «парафразы» поэта множатся и дробятся, проникаясь той самой естественной деформацией образов, которую, как мы уже сказали, заметил Ю. Кублановский.

Последнее, уже упомянутое нами стихотворение в книге «Маяк на мысе» – оно «О маяке, сигналившем во мгле», и сам поэт понимает, что, завершая, становится – «Словариком, сверкающим во тьму»...

Евгений об этой своей книге сам сказал следующее: «...Слово “проводник” есть в Библии. Христос – проводник тайн, знаний, метафор, смыслов. Библия и сама – невероятная метафора. Именно поэтому: обложка цвета новозаветных песков. “Невидимый проводник”, потому что любой человек может открыть книгу, и автор как бы ведет его по неизвестному для читателя миру своих вдохновений, аллегорий, неожиданностей, образов, многоточий. Ну, и наконец, это словосочетание вписывается в другие названия моих поэтических книг: “Погонщик”, “Неспящая бухта”, “Подводный шар”».

В заключение можно сделать такой вывод: поэзия Евгения Чигрина рассчитана на тех, кто еще не потерял провиденциальную способность удивленно поднимать голову к небу или отрывать душу от земли и улетать в царство гармонии, литературы, фантазии – эти три «компонента» празднично живут и дышат в книге «Невидимый проводник»...